

шолта

А.И.Кузнецов

«НАСЛЕДУЯ ПРЕДАНИЯ, ОСВЯЩЕННЫЕ ВРЕМЕНЕМ...»

Из истории российской внешнеполитической доктрины

«Жестко ошибаются те, кто полагает, что внешняя политика великой державы есть дело случайное, зависящее вполне от произвола или усмотрения. Совершенно наоборот: она есть результат всей предшедшей истории государства и только тогда бывает плодотворна и успешна, когда вдохновляется и руководствуется поучениями, почерпнутыми из многовекового исторического опыта. Вне этой связи с историей она обращается в политику либо праздног застоя, либо легкомысленных и опасных авантур»¹.

¹ Татицев С. С.
Дипломатические
беседы о внешней
политике России. Год
первый. 1889. СПб.,
1890. С. 187.

История российской внешнеполитической доктрины еще не написана, и даже мысль о ее существовании когда-либо в прошлом многими ставится под вопрос. Между тем очевидно, что понять фундаментальные интересы и задачи страны на мировой арене – а именно в этом заключается суть любой внешнеполитической доктрины – можно только в широкой исторической перспективе. Многие в этой области уже сделано. За последние годы заново перечитаны стершиеся или незаслуженно забытые страницы истории отечественной дипломатии. Ряд ключевых элементов доктрины А.М.Горчакова – выдающегося дипломата XIX века – органически вошел в ткань ныне действующей Концепции внешней политики Российской Федерации.

Вместе с тем дело восстановления исторической преемственности в развитии взглядов на внешнеполитические задачи России нельзя считать завершенным. Концептуальное наследие дипломатии старой России нуждается в дальнейшем изучении, а главное – в творческом освоении применительно к современным задачам внешней политики страны. Цель настоящих заметок – показать, что идеи А.М.Горчакова не остались случайной вспышкой на небосклоне отечественной внешнеполитической мысли, а были отражением преемственных взглядов русской дипломатической службы как высокопрофессионального

корпоративного института. Ее попытки претворять эти взгляды в реальную политику не ограничились эпохой великих освободительных реформ середины XIX века, а с большим или меньшим успехом продолжались до самого конца существования Российской империи. Осмыслить их – значит приблизиться к такому пониманию национальных интересов современной России, которое в наибольшей степени предохраняло бы внешнюю политику страны от конъюнктурных заносов и придавало бы ей большую устойчивость и последовательность в сложном и малопредсказуемом мире XXI века.

* * *

Выдающийся знаток дворянской культуры и быта России XIX века Ю.М.Лотман считал, что «русская бюрократия, являясь важным фактором государственной жизни, почти не оставила следа в духовной жизни России: она не создала ни своей культуры, ни своей этики, ни даже своей идеологии»².

² Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре. СПб., 2002. С. 27.*

Такая оценка едва ли применима к русской дипломатической службе. Несмотря на свою малочисленность (к концу XIX века личный состав служащих МИД и заграничных учреждений насчитывал около 500 человек, что составляло примерно 0,5% классных чиновников империи), она представляла собой наиболее просвещенный отряд русской бюрократии. Высокий международный статус России и законы самой дипломатической профессии заставляли ее привлекать в свои ряды наиболее образованную молодежь и поддерживать культурный уровень, которого не было ни в одном другом государственном ведомстве страны. В последние годы XIX века число лиц с высшим образованием, поступавших на службу в министерство иностранных дел, достигало свыше 80%³, тогда как их общая численность среди классных чиновников российской государственной службы составляла менее 40%⁴.

³ Подсчитано по: АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Исп. отделение. 1 стол. Оп. 749-1. Д. 1169.

⁴ Миронов Б.Н. *Социальная история России. С. 206.*

На этом фоне причастность к активной дипломатической службе в XIX веке таких блестящих имен, как А.С.Грибоедов, Ф.И.Тютчев и К.Н.Леонтьев не была случайностью. Они были наиболее яркими, но далеко не единственными дипломатами, оставившими след в русской культуре. Свидетельством тому может служить составленный в департаменте личного состава МИД перечень литературных трудов, опубликованных служащими министерства и его заграничных учреждений за период с 1883 по 1894 год. Результат получился впечатляющий: число авторов составило 74, т. е. более 15% личного состава всей дипломатической службы. Список напечатанных ими произведений насчитывал 298 наименований. Среди них – стихи и проза, научные труды по истории, географии, этнографии, экономике, богословию, религиоведению, международным отношениям и международному праву, справочники, словари, путевые заметки

⁵ АВПРИ. Ф. ДПС и ХД. «Исполнительное отделение». 1 стол. Оп. 749/1. Д. 1217. Л. 1-36.

и т. д.⁵ Причем в список попали только те произведения, создание которых не входило в круг служебных обязанностей чиновников. В нем не были упомянуты, например, многочисленные консульские донесения по различным торгово-промышленным и экономическим вопросам, которые публиковались в открытой печати, в частности, в «Вестнике финансов, торговли и промышленности» и представляли большой научный и общественный интерес.

Вполне естественно, что при такой широте культурных запросов сотрудники дипломатической службы не могли не задумываться осмысле и целях своей собственной деятельности и не пытаться осмыслить фундаментальные задачи страны, которую они представляли на международной арене. Немаловажную роль при этом играл и постепенный переход дипломатической службы от традиционного понимания своей деятельности как личного служения монарху к новым представлениям о ней как об исполнении патриотического долга перед Отечеством с присущими ему национальными интересами.

Еще в 20-е годы прошлого века советский историк А.М.Зайончковский обращал внимание на то, что русские дипломаты руководствовались в своей профессиональной деятельности определенными «идеями», «заветами», «преемственными связями», которые передавались из поколения в поколение⁶. В центре этих «заветов» были взгляды на основные внешнеполитические задачи России. Западные историки пытались понять их суть, изучая среду, в которой проходило воспитание дипломатов в старой России, включая содержание полученного ими образования, в частности, в привилегированном Александровском (бывшем Царскосельском) лицее. Однако британский исследователь Д.Ливен пришел к обоснованному выводу, что, «хотя изучение Александровского лицея может дать ключи к базовым ценностям и инстинктам русских государственных деятелей, эти ключи никак не позволяют понять их представления о внешней политике и международных отношениях. Эти представления вырабатывались не столько теоретически, сколько на опыте дипломатической практики и, прежде всего, путем восприятия от вышестоящих коллег коллективной мудрости российской заграничной службы»⁷.

«Коллективная мудрость» российской дипломатии включала не только практические, но и теоретические, концептуальные аспекты. Глубокое понимание национальных интересов страны рассматривалось в старой России как одно из главных профессиональных достоинств дипломата. Это качество специально отмечалось в императорских рескриптах по случаю юбилеев видных российских дипломатов⁸.

Считалось аксиомой, что только при наличии такого качества деятельность дипломата может носить сознательный, осмысленный характер, а не быть рутинным исполнением чиновничьих обязанностей. Видный дипломат второй половины XIX века П.А.Сабуров отмечал,

⁶ Зайончковский А. М. Подготовка России к войне и международные отношения. Л., 1926. С. 202, 268 и др.

⁷ Lieven D. C. *Russia and the Origins of the First World War. Basing tone*, 1983. P. 86-87.

⁸ См. напр. рескрипт на имя А.П.Кассина. АВПРИ. Ф. СПб Глав архив 1-1. Оп. 781. Д. 335. Л. 133; рескрипт на имя Е.Е.Сталя. Там же. Д. 330. Л. 239 об.

⁹ Сабуров П. А. *Моя миссия в Берлине. 1879-1884 (на франц. языке)*. АВПРИ. Личный архив Сабурова. Оп. 811. Д. 1. Л. 96.

¹⁰ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД Оп. 731. Д. 141. Л. 1 об.

¹¹ Игнатьев А. В. *Своеобразие российской внешней политики на рубеже XX-XXI веков // Вопросы истории. № 8. 1998. С. 35.*

¹² *Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 1. С. 344.*

что посол не может быть вечно удачлив, если его деятельность не имеет «хорошо просчитанной политической программы», а зависит только от личных качеств⁹. По мнению его коллеги Д.А.Эйхлера, «первое и главное требование, которое должно быть предъявлено государством своей дипломатии, – это основательное изучение и правильное понимание исторических и этических задач вместе с точным определением и соблюдением его интересов по отношению к другим державам»¹⁰.

Вместе с тем вопрос о том, имела ли императорская Россия внешнеполитическую концепцию, которая отражала бы такое понимание, является одним из спорных и малоизученных вопросов истории отечественной внешней политики. Ряд исследователей дает на него отрицательный ответ. Так, по мнению А.В.Игнатьева, в старой России вообще не существовало целостной внешнеполитической доктрины, которую «во многом заменяли установки, складывавшиеся у царя под влиянием воспитания, собственного опыта и советов его сановников»¹¹.

Тем не менее, возникает вопрос: почему в настоящее время именно концептуальное наследие эпохи А.М.Горчакова, не только привлекает внимание историков, но и становится предметом творческого освоения современной российской дипломатией? Почему именно в нем обнаруживается живая связь с нынешними проблемами российской внешней политики?

В современном понимании внешнеполитическая доктрина определяется как «принятая в том или ином государстве система взглядов на цели, задачи и характер внешнеполитической деятельности, а также на способы ее реализации и обеспечения»¹². Само собой разумеется, что в силу специфики этой деятельности, в которой приходится учитывать многочисленные и постоянно меняющиеся обстоятельства внутреннего и международного порядка, такая система взглядов должна сохранять известную гибкость и быть открытой для корректировки, а в необходимых случаях – даже радикального пересмотра. «Модель» внешнеполитической доктрины государства можно условно представить себе в виде системы концентрических кругов. Первый из них или «твердое ядро» доктрины составляют устойчивые преемственные взгляды на главные внешнеполитические задачи государства. Они формируются на протяжении истории страны и опираются на такие объективные и постоянно действующие факторы, как географическое положение, наличие природных ресурсов, религия, культура и национальные традиции. Во второй круг входят представления о текущих внешнеполитических задачах и интересах государства. Здесь происходит адаптация доктрины к конкретным, существующим на данный момент условиям его внутреннего развития и международных отношений. Наконец, третий круг охватывает совокупность различных, порой противоположных взглядов на внешнюю политику, которые существуют в политических

кругах и общественном мнении страны. Здесь они постепенно кристаллизуются в устойчивые представления, переходящие затем в первые два круга.

Подчеркнем, что внешнеполитическая доктрина представляет собой не просто совокупность, а именно систему взглядов, т. е. предполагает наличие неких главных, системообразующих начал, своего рода исторических «сверхзадач», к решению которых должны быть устремлены в конечном счете внешнеполитические усилия государства. Для России определение подобных начал внешней политики было связано с немалыми трудностями объективного характера. Одной из главных причин было отсутствие постоянного геополитического окружения. Страна развивалась под знаком неуклонного расширения своих внешних границ. За четыре столетия Московское княжество, первоначально сравнимое по своей площади с одним из небольших европейских государств, разрослось до масштабов империи, занимавшей одну шестую часть суши. Процесс включения в состав империи новых территорий завершился лишь к 80-м годам XIX века с присоединением Средней Азии.

В итоге этого уникального исторического процесса Россия стала соседом для множества стран, принадлежавших не только к различным культурам и цивилизациям, но и совершенно разным региональным подсистемам международных отношений (Европа, Балканы, Центральная Азия, Дальний Восток), которые в ту пору не были интегрированы в единую глобальную систему. Каждая из них ставила перед внешней политикой России свои проблемы, не связанные с другими, либо, во всяком случае, с трудом поддающиеся увязке в единую, целостную систему внешнеполитических приоритетов. Применительно к каждой из этих подсистем Россия должна была определять эти приоритеты отдельно, исходя из различных геополитических реалий и собственных возможностей и интересов. Такого рода «повсеместность и сложность государственных интересов России» как отличительную особенность ее внешней политики отмечали в своих размышлениях и сами русские дипломаты¹³.

Все это существенно затрудняло выработку целостного и преемственного видения национальных интересов страны. Анализируя особенности внешней политики России во второй половине XIX века, ученый и дипломат предреволюционного поколения барон Б.Э.Нольде обращал внимание на ряд присущих ей «органических слабостей». К их числу он относил тот факт, что у России, в отличие от других стран, в частности, Франции, не было какой-либо одной внешнеполитической задачи, которой были бы подчинены усилия государства на всех остальных направлениях внешней политики. Постановке такой задачи препятствовали огромные размеры территории, большое разнообразие и разноплановый характер отношений с соседними странами, удаленность внешних границ от основных мест проживания титульной русской нации. Кроме того, отмечал

¹³ См. напр.: Соловьев Ю.Я. Записка о некоторых возможных преобразованиях нашей дипломатической и консульской службы. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 731. Д. 44. Л. 5 об.

Б.Э.Нольде, Российской империя по своей природе была более политическим, нежели национальным образованием, в котором внешняя политика «была скорее результатом произвольной игры ума, а зачастую и импровизаций». В этих условиях, считал он, во внешней политике России «по самой логике проблем преемственность не могла быть гарантированной», а сама эта политика нередко строилась на основе «абстрактных идеалистических концепций, не имеющих опоры в ближайших национальных интересах»¹⁴.

¹⁴ *Nolde Boris. L' Alliance Franco-Russe. Les Origines du Systeme diplomatique d'avant Guerre. Paris, 1936. P. 165-168.*

Тем не менее, и в этих условиях постепенно шла кристаллизация «заветов» и «преданий» русской дипломатии, которые начали формироваться после поражения России в Крымской войне, вызвавшего коренной пересмотр ее внешнеполитической доктрины. Поиски новых подходов к определению задач внешней политики велись в недрах самой дипломатической службы. Начало им было положено еще канцлером К.В.Нессельроде, признавшим в своем «политическом завещании» несостоятельность идеологии легитимизма, на которой до сих пор строилась внешняя политика страны, и необходимость впредь руководствоваться интересами самой России. Он также признавал, что вместо попыток насаждать «порядок» в Европе Россия должна «заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первой нуждой страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена»¹⁵.

¹⁵ *Русский архив. 1872. № 2. С. 341.*

Однако разработка и проведение в жизнь новой концепции выпала на долю преемника Нессельроде князя А.М.Горчакова. Показательно, что эта работа качалась с глубокого осмысления предшествующего внешнеполитического опыта России. Ключевая роль в ней принадлежала ближайшему сотруднику А.М.Горчакова, блестящему стилисту и аналитику барону А.Г.Жомини (1814-1880 гг.), который на протяжении четверти века был главным составителем дипломатических документов, а начиная с 70-х гг. – фактически вторым лицом в МИД. Проведенное им обширное исследование внешней политики России в царствование Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I, лишь сравнительно недавно было обнаружено в архиве и прокомментировано П.В.Стегнием¹⁶. Представляя несомненную историческую ценность, оно также может служить иллюстрацией того, как росийская дипломатия вырабатывала методологические подходы к определению задач внешней политики страны.

¹⁶ *Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 76-82.*

В исследовании А.Г.Жомини были сформулированы или намечены основные идеи, положенные затем в основу внешнеполитической концепции А.М.Горчакова: несостоятельность легитимистских и охранительных начал политики Николая I, необходимость строить внешнюю политику в соответствии с национальными интересами, а не отвлеченными идеологическими схемами, проявлять гибкость и прагматизм, соотносить внешнеполитические усилия с реальными возможностями государства. Особый интерес представляют

теоретические выводы А.Г.Жомини относительно путей и методов определения национальных интересов. По его мнению, осмысливать их необходимо в широкой исторической перспективе, с учетом преемственности и вместе с тем постоянно меняющихся обстоятельств внутреннего развития страны и ее положения в мире. Он, в частности, считал важным различать «постоянные и случайные или временные интересы. Первые предопределены историей и традициями, вторые появляются вследствие стечения обстоятельств данного периода»¹⁷. Таким образом из размышлений А.Г.Жомини вырисовывается методология определения задач внешней политики, в которой следует различать долгосрочные исторические интересы государства и область практической политики, в которой эти интересы должны претворяться в жизнь с учетом изменений в международной обстановке.

Вплоть до конца существования Российской империи основные элементы внешнеполитической концепции А.М.Горчакова ложились в основу документов, в которых излагались «руководящие начала» внешней политики страны. К их числу принадлежали, прежде всего, циркуляры, которые направлялись русским дипломатическим представителям за рубежом по случаю вступления на престол нового императора. По существу это были внутренние документы МИД, в которых определялись общие концептуальные рамки деятельности русской дипломатии на весь период очередного царствования. Проекты циркуляров 1856 и 1881 гг., ознаменовавших начало царствования, соответственно, Александра II и Александра III были написаны А.Г.Жомини¹⁸. Циркуляр 1894 г. по случаю вступления на престол Николая II, принадлежал перу В.Н.Ламздорфа¹⁹.

Для удобства сравнения приведем таблицу, позволяющую сопоставить ключевые положения этих документов²⁰.

Сопоставление основных положений трех документов свидетельствует о высокой степени преемственности политической мысли русских дипломатов. Более того, в циркулярах 1881 и 1894 гг. эта преемственность специально подчеркивалась: указывалось, в частности, что Россия будет строить свою внешнюю политику, «наследуя предания, освященные временем». Таким образом на протяжении почти полувека «руководящие начала» российской внешней политики не подвергались какому-либо существенному пересмотру. Не менее важно и то, что все три текста имеют единый концептуальный стержень, который придает им характер устойчивой внешнеполитической доктрины.

Таким стержнем является сформулированный А.М.Горчаковым императив подчинения внешней политики интересам внутреннего развития страны и решения ее социально-экономических проблем. Эта идея наиболее полно изложена и обоснована в циркуляре от 4 марта 1881 года. Нацеленность на создание благоприятных внешних условий для накопления «внутренних сил» страны отвечало на главную

¹⁷ АВПРИ. Ф. Личный архив А.Г.Жомини. Оп. 802. Д. 49. Л. 1-6 об.

¹⁸ Tscharykow N. V. *Glimpses of High Politics*. London, 1931. P. 153.

¹⁹ Ламздорф В.Н. *Дневник. 1894-1896*. М., 1991. С. 74.

²⁰ Цитаты приведены по текстам, содержащимся в книге: *Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802-1902*. СПб., 1902. С. 134-135, 169-170, 184-1

1856	1881	1894
«Император желает жить в добром согласии со всеми правительствами».	«Внешняя политика Его Величества будет миролюбивой по существу».	«Его Величество... не уклонится ни в чем от миролюбивой по существу, прямо-душной и твердой политики».
«Государь принял решение посвятить свои заботы по преимуществу благу своих подданных и развитию внутренних сил страны, сосредоточив на них всю свою деятельность, которая будет направлена на внешние дела только в том случае, если этого настоятельно потребует положительные пользы России».	«Ныне она (Россия – А.К.) достигла естественного развития...; ей остается лишь упрочивать свое положение, охранять себя от внешней опасности и развивать внутренние силы, нравственные и вещественные, накопляя запасы и умножая свое благосостояние».	«Его Величество посвятит все свои усилия развитию внутреннего благосостояния России».
«Охраняя начало права в делах Европы, русское правительство будет строго следовать этим началам в делах, касающихся России».	«... Россия полагает, что ее цели тесно связаны с всеобщим миром, основанным на уважении к праву и к договорам».	«Россия... по-прежнему в уважении к праву и законному порядку будет видеть вернейший залог безопасности государств».

²¹ Канцлер
А.М.Горчаков. 200
лет со дня
рождения. М.,
1998. С. 321.

внешнеполитическую проблему России, которую А.М.Горчаков определил как «отставание внутреннего развития империи от ее стремительного внешнего развития»²¹. Речь шла о том, чтобы сделать неизменным принципом внешней политики соответствие ее международных усилий и обязательств реальным возможностям и материальным ресурсам страны.

Из этого принципа органически вытекает и другое важное положение, акцентированное в циркулярах 1881 и 1894 гг.: не просто мирный, но «миролюбивый по существу» характер внешней политики России, т. е. отсутствие у нее *в принципе* каких-либо причин для решения тех или иных внешнеполитических задач военным путем, кроме отражения агрессии извне. Наконец, в циркулярах обозначены

и методы проведения в жизнь миролюбивой внешней политики, прежде всего, с опорой на соблюдение международного правопорядка и законности.

Разумеется, в своей реальной политике Россия далеко не всегда следовала букве и духу этой доктрины. Об этом говорят и продолжавшееся до конца XIX века расширение границ империи, и русско-турецкая война 1877 г., и грубые внешнеполитические ошибки, приведшие к неудачной войне с Японией в 1904-1905 гг. Однако причины отклонений от заданного курса заключались не столько в самой российской дипломатии, сколько в ограниченности ее возможностей претворять его в жизнь. Конфликты и кризисы, через которые прошла Россия в указанный период, не только не были вызваны действиями дипломатии, но и происходили вопреки ее намерениям, а чаще всего – при активном сопротивлении МИД, стремившегося предотвратить втягивание страны в военное столкновение. С этой точки зрения упомянутую доктрину правильнее рассматривать в качестве «кредо» российской дипломатической службы, нежели как реальное отражение внешней политики страны, которая строилась под воздействием факторов, часто не зависевших от воли и желания дипломатов.

Последовательность дипломатии в отстаивании этого «кредо» выглядит особенно рельефно на фоне сложной международной и внутренней обстановки, в которой приходилось действовать царской дипломатии вплоть до конца ее существования. Указывая на «огромные препятствия», лежавшие на пути успешного ведения русской внешней политики, Б.Э.Нольде писал: «Мы обладали в одно и то же время и великодержавной требовательностью, и малым умением согласовать внешние цели и внутренние средства, и совершенно недостаточной подготовленностью общеправительственного и общественного мнения в делах дипломатических»²².

Даже в относительно стабильной обстановке царствования Александра III выработка внешнеполитического курса, отвечающего концептуальным взглядам дипломатической службы, протекала с большими трудностями. Свидетельством тому могут служить дневники старшего советника МИД (впоследствии министра иностранных дел) графа В.Н.Ламздорфа, в которых последовательно и в деталях раскрывается сложная и порой мучительная борьба за влияние на внешнеполитические взгляды императора Александра III, которую на протяжении его царствования вел министр иностранных дел Н.К.Гирс²³. Именно ему, как считал его ближайший и глубоко преданный сотрудник В.Н.Ламздорф, Россия была обязана тем, что в течение этого царствования она не была втянута ни в один военный конфликт²⁴.

Н.К.Гирс действовал, исходя из глубокого убеждения в том, что прочный мир отвечает жизненным интересам России, которая в силу экономической отсталости нуждалась в длительной мирной передышке

²² Нольде Б.Э. *Далеко и близко. Париж, 1930. С. 64.*

²³ Ламздорф В.Н. *Дневник. 1886-1890. М., 2003. С. 41, 58, 74 и др.*

²⁴ Там же. С. 47.

для сосредоточения усилий на внутреннем развитии и освоении своей огромной территории. Однако трагизм положения Н.К.Гирса заключался в том, что в условиях полной закрытости внешнеполитического ведомства эти убеждения не находили опоры в общественном мнении страны. Дипломат более позднего поколения А.Д.Калмыков, характеризуя общественные настроения в царствование Александра III, когда он начинал свою карьеру, отмечал, что «первым впечатлением было чувство огромной силы и полной, абсолютной безопасности. Насколько оно было оправдано – другой вопрос. Россия никого и ничего не боялась. Таково было общее мнение; сомневаться в нем – значило рисковать быть обвиненным в недостатке патриотизма. Только в узком кругу русских дипломатов существовали со времен Берлинского конгресса 1878 г. реальные опасения по поводу столкновения с иностранной державой или державами. Хотя эти опасения тщательно скрывались, иногда они прорывались наружу, и тогда пресса и общественное мнение России обвиняли русских дипломатов в нерешительности и боязливости»²⁵. Между тем именно в этот период, по оценке А.Д.Калмыкова, внешняя политика была «самой успешной за всю русскую историю»²⁶.

С наибольшим драматизмом отмеченные трудности проявились в царствование последнего русского императора, личные качества которого, как и в целом, самодержавный государственный строй, не отвечали возростающим масштабам и сложности задач, вставших перед Россией как внутри, так и вовне. Продолжал обостряться и конфликт дипломатии с общественным мнением. Мишенью для критики в ее адрес были не только внутренние порядки в МИД, но и сама внешнеполитическая деятельность, которую пресса считала недостаточно «национальной». Перед лицом этих нападок, особенно со стороны суворинского «Нового времени», дипломаты были вынуждены либо молчать, либо реагировать косвенным путем, как это было сделано, например, в 1904 году в довольно неудачном открытом письме директора Азиатского департамента МИД Н.Г.Гартвига известному и многоопытному дипломату И.А.Зиновьеву²⁷. Откликаясь на это письмо, один из его коллег А.В.Неклюдов сетовал на непонимание общечеловеческой самой сути дипломатической деятельности. «Я уверен, например, что в настоящую минуту существуют люди, и люди неглупые, искренне верующие, что самой войны с Японией не было бы, если бы только не наши «дипломаты», которые все испортили и без которых русское знамя давно развевалось бы и в Корее, и на берегах Персидского залива, и в Царьграде, и при том без всякой войны, без всякого потрясения и жертв, а в силу одного воздействия «твердой национальной политики» и решимости «показать кулак» всякому, кто нашим вождениям противопоставляет свои»²⁸.

После революции 1905-1907 гг. руководство МИД начало активно «наводить мосты» с прессой и Государственной Думой, пытаясь найти

²⁵ Andrew D. Kalmykov. *Memoirs of a Russian Diplomat*. New Haven and London, 1971. P. 21-22.

²⁶ *Ibid.* P. 28.

²⁷ Письмо Н.Г.Гартвига И.А.Зиновьеву. С.-Петербург, 22 июня 1904 года. СПб., 1904.

²⁸ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 481, 1904. Д. 227. Л. 16 об.

там единомышленников и противостоять нападкам как со стороны черносотенных, так и леворадикальных кругов.

С той же убежденностью, с какой В.Н. Ламздорф (хотя и во многом безуспешно), пытался сохранить основы этой политики, опираясь на поддержку С.Ю.Витте, его преемники А.П.Извольский и С.Д.Сазонов делали это в сотрудничестве с П.А.Столыпиным – убежденным сторонником сохранения мира во имя внутреннего развития и преобразования России.

Деятельность российской дипломатии, разумеется, не была свободной от противоречий. Развитие обстановки внутри страны и на международной арене побуждало ее к маневрированию и частичному пересмотру путей и методов достижения своих стратегических целей. В историческом плане наиболее крупным поворотом во внешней политике страны был переход от «союза трех императоров» и соглашения с Германией к русско-французскому союзу. Существенные коррективы во внешнеполитический курс были внесены и после революции 1905-1907 гг. с приходом на пост министра иностранных дел А.П.Извольского²⁹. Однако эти изменения следует отнести скорее к области «временных интересов», о которых писал еще А.Г.Жомини, и путей их реализации, нежели к пониманию долгосрочных исторических интересов страны. В главных же вопросах, связанных с необходимостью проводить осторожную внешнюю политику в интересах прочного мира для России дипломатия оставалась, в целом, верной своим историческим традициям.

Иллюстрацией к такому выводу могут служить подходы российской дипломатии к распутыванию важнейшего для России внешнеполитического «узла» – т. н. «восточного вопроса». Исключительная сложность этой проблемы, в которой теснейшим образом сплелись жизненные торгово-экономические и военно-стратегические интересы России и ее многовековые религиозные чаяния, сделали ее едва ли не главным «стержнем» исторической преемственности традиций и «преданий» русской дипломатии. Бывший генеральный консул в Лондоне А.М.Ону, находясь в эмиграции вспоминал, что «взятие Константинополя в русские руки» было «стремлением всех русских дипломатов от графа Игнатьева до Милюкова»³⁰. На этой мечте воспитывались многие поколения дипломатов. Тем не менее результаты современных исследований указывают на то, что в их действиях на этом направлении, зачастую неудачных, в целом, преобладали осмотрительность и понимание недостаточности экономических и военных ресурсов для решения проблемы силовым путем³¹.

Последовательность русской дипломатии в отстаивании фундаментальных принципов миролюбивой внешней политики, несомненно, сыграла важную роль в создании благоприятных условий для ускоренного экономического развития страны во второй половине XIX – начале XX вв. По оценке британского историка Б.Джелавич, «удержание Россией ее позиций в Европе и защита протяженных границ

²⁹ *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997. С. 198.*

³⁰ *АВПРИ. Личный архив А. М. Ону. Ж. 840. Д. 3. Л. 78.*

³¹ *Россия и Черноморские проливы (XVI 11-XX столетия). М., 1999.*

³² Jelavich Barbara. *A Century of Russian Foreign Policy. 1814-1914*, Indiana University, 1964. P. 287.

тем более достойны внимания, если учесть, насколько Россия отставала от своих европейских союзников во внутреннем развитии и в тех областях национальной жизни, которые способствуют военной мощи»³².

Вместе с тем следует признать, что осознанное русской дипломатией еще во времена Нессельроде и Горчакова противоречие между великодержавным статусом страны и ее ограниченными материальными возможностями так и не было разрешено. Несомненно, это противоречие существовало и в мировоззрении дипломатов. Руководство и рядовые чиновники в Петербурге и за границей как неотъемлемая часть правящих кругов были глубоко проникнуты сознанием величия и могущества России. И хотя дипломаты с большим реализмом, чем в других эшелонах российской бюрократии, оценивали соотношение сил между Россией и другими европейскими государствами и в меньшей степени были подвержены идеологическим влияниям и проявлениям националистической демагогии и авантюризма, утрата великодержавного статуса была бы в их глазах равносильна национальной катастрофе.

Противоречие между двумя фундаментальными ценностями, глубоко укорененными в сознании дипломата, – миролюбивой внешней политикой и сохранением великодержавного статуса – было одной из глубинных причин той фатальной неотвратимости, с которой Россия шла к мировой войне и последовавшей затем внутренней катастрофе. Задолго до начала войны А.П.Извольский в письме к П.А.Столыпину указывал на растущую угрозу со стороны Германии и предупреждал об опасности положения, при котором России пришлось бы выбирать между сохранением мира и превращением в сателлита Германии. «Вы знаете, что в течение пятилетнего моего министерства я постоянно находился под кошмаром внезапной войны. Ослабить конвенцию (военный союз с Францией – *А.К.*) не было фактической возможности; ослабить ее означало бы или немедленную общеевропейскую войну, или полное и безоговорочное подчинение Германии... Порабощение это должно было принять форму союза трех монархических держав – Германии, Австрии и России. Но история учит нас, что подобная комбинация на самом деле означает полное господство Германии и Австрии и полное подчинение им России. Пойдя на эту комбинацию, которую император Вильгельм недвусмысленно предлагал нам осенью 1906 года означало бы поставить крест над всеми историческими заветами и преданиями России, завязнуть в нескончаемой борьбе с Японией и Англией, одним словом, перестать быть Россией Петра Великого и Екатерины»³³.

Первая мировая война и последовавшая затем революция опрокинули внешнеполитическую доктрину старой России, на долгое время перечеркнув многовековой опыт русской дипломатии. Однако, сойдя с исторической сцены, она оставила концептуальное наследие, пережившее свою эпоху. Ее несомненная заслуга состоит в том, что она сформулировала и последовательно стремилась воплотить

³³ АВПРИ. Личный архив Извольского. Оп. 835, тО- 1911. Д. 43. Л. 17.

в жизнь фундаментальные принципы внешней политики, основанные не на отвлеченных идеологических схемах, а на реалистической оценке интересов, возможностей и исторических задач страны. Творцы внешней политики старой России мыслили в широкой исторической перспективе и, благодаря этому, предвидели многое из того, что отвечает современным представлениям о национальных интересах страны. Это касается, в частности, С.Д.Сазонова – последнего профессионала на посту министра иностранных дел Российской империи. Его идея о том, что для России чрезмерное усиление внимания и сил на каком-либо одном направлении означало бы ослабление на других, является своего рода прообразом нынешней российской концепции многовекторной внешней политики. Не менее актуально звучат мысли С.Д.Сазонова о роли России в европейской политике. «Россия не может и не должна уходить из Европы... Это необходимо не в одних только ее собственных интересах, но и в интересах самой Европы, в которой она является одним из главных, и притом совершенно незаменимым, политическим и экономическим фактором»³⁴.

³⁴ Сазонов С.Д.
Воспоминания.
Париж, 1927. С.
55.

За последние полвека своего существования русская дипломатия разработала преемственное понимание исторических интересов России на международной арене. В его основе лежало стремление разрешить вековое противоречие между великодержавным статусом страны и недостатком военных и экономических ресурсов. Дипломатия искала пути сопряжения внешней политики с интересами внутреннего социально-экономического развития и проведения на этой основе миролюбивого курса, опирающегося на международное право и многостороннее сотрудничество. И в этом – непреходящее значение ее наследия для современной России.